

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

«НЕ УДИВЛЯТЬ, А УДИВЛЯТЬСЯ...»

(Поэмы, сонеты;
эпиграммы, басни, пародии;
переводы)

Составитель сборника: Нина
Инякина

КЕМЕРОВО-2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник – не совсем тематический. Здесь под одной обложкой Вы найдёте разные по форме и жанру произведения: крупные и крошечные, серьёзные, ироничные, шутливые. Это поэмы, сонеты, басни, пародии, эпиграммы. Сюда же я включила несколько стихотворений – переводов с шорского и венгерского.

Главная мысль при составлении этого сборника: показать поэтический дар автора столь разных стихотворных произведений со всех сторон. Настоящий поэт пробует в своей творческой жизни всё, пишет даже то, что даётся ему нелегко. Так, например, Михаил Александрович говорил о публицистических стихах, которые он буквально заставлял себя писать, как бы трудно это ни было. Или, например, сонеты. Своему другу – фронтовику, журналисту, работавшему вместе с ним в редакции газеты «Кузбасс», Юрию Дмитриевичу Баландину – он посвятил целый Венок сонетов, который называется «Золотая осень».

Пародии, эпиграммы, басни получались очень хорошо. Они пользовались большим успехом у слушателей, перед которыми довольно часто доводилось выступать Михаилу Небогатову. Одна из таких встреч сохранилась и у меня в памяти: работая учительницей в 40-й кемеровской школе, я однажды по просьбе детей приглашала отца на беседу. Он с радостью отозвался и пришёл в школу, которую, как узнала я много лет спустя из «Дневниковых записей разных лет», окончил его младший сын Владимир. Время, отведённое на эту незабываемую встречу, пролетело незаметно. И ученики, и учителя остались очень довольны. А папа досадовал: среди них так и не увидел свою дочь (я пряталась за спины школьников, стеснялась попасться ему на глаза...).

Читателям эта книжка может показаться неровной по мастерству – написанное относится к разным периодам творчества, но одно все заметят сразу: многогранность таланта автора.

Необходимо сделать ещё одно примечание: как и в самом первом тематическом сборнике – «СТИХИ О ВОЙНЕ» – произведения даются в нескольких вариантах.

Нина Инякина – составитель сборника.

ПОЭМЫ**ФЁКЛА НИЛОВНА**

Есть средь сибирских деревень
Камышенка. Слыхали?
Недаром ей в далёкий день
Название это дали.

На юг, на север поглядишь –
Кругом одно и то же:
Камыш, камыш, сплошной камыш,
Безлюдье, бездорожье...

Но глушь любая нипочём,
Коль человек явился,
Срубил избу – добротный дом,
Освоился, прижился.

Так, незаметно, шли года.
Был дом – деревня стала.
И вот – мечтал ли кто когда! –
О ней Сибирь узнала...

В те дни, с которых буду я
Вести повествованье,
Жила в Камышенке семья
Достойная вниманья.

В ней было столько человек,
По тем годам – излишек,
Что не хватило б двух телег
Для всех Марусек, Мишек.

«Везло» Скворцовым. Что ни год –
Хозяин беспокойней:
Жена то сына принесёт,
То встретит сразу двойней...

А в жизни полный кавардак.
Колчак грозит проклятый.
В одной деревне – красный флаг,
В соседней – полосатый.

Здесь власть уже в руках крестьян,
А там – другие планы.
Созвал друзей Скворцов Иван.
– Пойдёмте в партизаны!

Дадим по шее белякам.
Иначе – суд их краток –
Нагрянут сами ночью к нам,
Побьют, как куропаток...

В затылке стали все чесать.
Иван толкует дело!
Пора свой край в бою спасать.
Отсидка надоела.

Два дня готовили подряд
Коней и снаряженье,
На третий – в лес ушёл отряд
И вскоре дал сраженье.

Давно ль мужские голоса
Гудели басовито:
– Труба нам нынче без овса...
– Да... погорело жито... –

А что в Камышенке теперь?
Телок проскачет лихо,
Всплакнёт ребёнок, скрипнет дверь –
И вновь тоскливо, тихо.

Не мил без мужа дом родной.
Однако, слава богу,
Война обходит стороной,
Забыла к ним дорогу.

Присядет женщина к столу –
Ладонь у подбородка –
И долго смотрит в ночь, во мглу
Задумчиво и кротко.

Один прохожий, говорят,
Рассказывал недавно,
Мол, стал Камышенский отряд
Почти что самым главным.

Мол, колчаковский генерал,
Из самых образцовых,
В одних кальсонах удирал
От нашего Скворцова.

Где склад горит, где поезда
Взрываются нежданно,
Где бой, засада – там всегда
Скворцова партизаны!

Кто знает, правда или нет,
Верны ли эти слухи...
– Ох, помутился белый свет, –
Печалились старухи...

Однажды августовским днём,
От знойной дымки блёклым,
За речкой где-то ухнул гром,
Да так, что дрожь по окнам!

Живой сигнал военных гроз
Здесь слышали впервые.
В глазах у всех немой вопрос:
– Свои или чужие?

Кто б ни был там – скорей во двор!
Гремят крючки-железки.
Скорей ворота на запор,
Плотнее – занавески!..

Как раз напротив, где жила
С детьми жена Скворцова,
Был новый дом, второй с угла,
Игрушка, право слово!

Созданье сильных, умных рук,
Других просторней, выше,
Смотрел он весело на юг
Из-под тесовой крыши.

Как все, Гречушкин Михаил,
Хозяин той игрушки,
Сейчас был там, где нужен был –
Где грохотали пушки.

Вот и хозяйке молодой
Спокойно не сидится.
Глядите, вышла за водой,
Нисколько не боится.

Послушав, что там вдалеке,
 Румяная, босая,
 Свернула за угол, к реке,
 Чуть вёдрами качая.

– Вернись! – раздался чей-то крик.
 С улыбкой обернулась.
 Мол, ничего. И в этот миг
 За балкой пыль взметнулась...

Плескалась в вёдрах синь небес.
 А гости верховые
 Уже неслись наперерез,
 Вгляделась... Ой, чужие!..

Усатый дядя впереди.
 Наган, погоны, шашка...
 Ремни – крест-накрест на груди...
 Высокая фуражка...

Конём как будто невзначай
 Толкнул. Спросил сурово:
 – А ну, молодка, отвечай,
 Где тут изба Скворцова? –

Едва ль заметил офицер –
 Бродила в жилах водка, –
 Как изменилась вдруг в лице
 Красивая молодка.

«Хотят расправу учинить», –
 Догадка промелькнула.
 Как это горе отстранить?
 Куда направить дула?

Усатый дёргает коня.
 Глаза – под стать булавам...
 «Там детвора... А у меня
 Не семеро по лавкам...

А Михаил? Что ж Михаил.
 Да разве он осудит?»
 И вроде больше стало сил,
 Решила – будь, что будет!

Сама душа, сама судьба
 Ей выход подсказала.
 Сказала:
 – Вон его изба. –
 И дом свой показала.

Команду подал офицер...
 И к ней: – Как звать-то?

Фёкла...

Лишь замер топот на крыльце,
 Дзинь! – вдребезги все стёкла.

Сверкая зубом золотым,
 Усатый млел над тыном:
 – Так поступаем мы с любим
 Гнездом... ик...ик... осиным... –

Он мог бы, будь трезвей чуть-чуть,
 Смекнуть – нечисто дело:
 Схватила женщина за грудь,
 Как стенка, побледнела.

Под сердцем первенца она
 Три месяца носила.
 И мысль зловещая одна
 Её сейчас пронзила:

Вдруг, разгромив её жильё,
 Он спросит о хозяйке?
 Не зная хитрости её,
 Всё скажут без утайки,

Тогда конец... известный суд –
 Штыком проткнуть, повесить...
 Ну, что ж. Две жизни пусть берут.
 Две! А могли бы – десять...

Хитри и дальше, да умней,
 Гречушкина Феклуша!..
 Усатый вновь с улыбкой к ней:
 – Одна живёшь, без мужа?

Небось соскучилась... Ха-ха!
 Ишь, сдобная какая... –
 – А вы б нашли мне жениха.
 И впрямь, живу одна я! –

Тот улыбается: напал
 На добрую бабёнку!..
 Слез. Лошадь к тыну привязал.
 – Кхм... Отойдём в сторонку...

Брось вёдра! Дай-ка помогу.
 Сюда вот... в палисадник... –
 Вдруг поднял руку к козырьку:
 – Постой-ка. Что за всадник?..

Солдат с пакетом подскакал
 И вытер пот в истоме...
 – Кончай! – усатый заорал
 Хозяйничавшим в доме.

Проворно прыгнул на коня.
 – Я к вам ещё приеду... –
 Мигнул Феклуше: «Жди меня –
 Продолжим, мол, беседу».

С усмешкой бровью повела
 (Дом подожгли злодеи!)
 – У вас, я вижу, есть дела
 Гораздо поважнее... –

И заklubилась снова пыль
 В другом конце селенья...
 Была сегодняшняя былъ
 Как страшное виденье.

Взрыв... суматоха... общий страх...
 Отвод беды обманом,
 Игрой – от смерти в двух шагах –
 С бандитом полупьяным.

Жених! Семь бед – один ответ...
 Не знал ты о невесте:
 Не привези солдат пакет –
 Убила бы на месте...

Прошла б игриво, на виду,
 В потёмки сеновала,
 А там, как муху на меду,
 Навек бы приласкала...

Сбежали. Скрылись без помех.
 Ни дна им, ни крыши!..
 Трещало пламя... Раньше всех
 Опомнились мальчишки.

Как воробьи, из-за оград
 Повысыпали с криком:
 – Пожар! Гречушкины горят!
 – А дыму-то! Смотри-ка!

И в самом деле, дом пылал
 С какой-то злобой дикой.
 Сбегались люди – стар и мал
 С ведром – а подойди-ка!

Приковылял столетний дед.
 Рукой махнул с досадой:
 – Сгорит. Спасти надежи нет.
 Спасать соседей надо.

Ворота рушьте. Лейте здесь.
 Ну, жарит! Эко диво... –
 Есть командир – порядок есть.
 Взялись за дело живо...

Какая радость, боже мой:
 Негаданно-нежданно
 Пришли в Камышенку, домой,
 Родные партизаны.

...Обросший, хмурый, Михаил
 Стоял над пепелищем.
 – И здесь каратель, значит, был...
 Что ж, и его разыщем!

Дождётся встряски он, буржуй,
 И пули в лоб впридачу...
 Не плачь, Феклуша, не горюй.
 – Да я совсем не плачу. –

Вздохнув, поведала ему,
 Как было, всё сначала...
 – Теперь ты знаешь, почему
 Жилья у нас не стало.

– Э, вот в чём дело. Молодцом!
 Рисково, но толково!
 Гречушкин с радостным лицом
 Нашёл в толпе Скворцова.

– Ты не слышал, Иван Кузьмич?
 Пожар-то неспроста ведь!
 С тебя положен магарыч.
 Придётся, братец, ставить.

Скворцов в тужурке, весь в ремнях,
 Попыхивая трубкой,
 Шагнул с дочуркой на руках,
 Глазастенькой и хрупкой.

И взгляд, каким поверх голов
 Окинул он Феклушу,
 Сказал ей всё без лишних слов,
 Запал глубоко в душу.

Никто вокруг понять не мог,
 С чего вдруг при народе
 Скворцов к себе её привлёк,
 Расчувствовался вроде...

Чтоб не остался мой рассказ
 В загадках – в тёмных пятнах, –
 Скажу: Гречушкины сейчас –
 Семья шахтёров знатных.

Большая жизнь вошла в права.
 Смела былую горечь...
 И Фёкла Ниловна жива,
 И Михаил Егорыч.

Коль двух телег, на чей-то взгляд,
 Скворцовым не хватало,
 То для Гречушкиных орлят,
 Небось, трёхтонки мало.

На днях читали мы Указ
 (Всё в жизни мудро ныне!):
 Медаль у Ниловны сейчас
 И званье Героини.

Гостей сошлось на торжество –
 Со всех краёв, похоже!
 Детсад у сына одного
 И у другого – тоже!

Была родня Скворцовых здесь.
 Их всех – больших и малых –
 Теперь нельзя уже и счесть.
 И вряд ли кто считал их.

А вывод мой в конце таков,
 Скажу не ради шутки:
 Чтоб крепкий род сибиряков
 Да вдруг иссякнул? Дудки!..

Пусть нет красот в словах простых
 Про дальние события, –
 Вам, Фёкла Ниловна, свой стих
 Хотел бы посвятить я.

Пускай не меркнет, став строкой,
 Живёт в душе народной
 Ваш образ, сердцу дорогой,
 Ваш подвиг благородный...

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 212)

*** *** ***

ФЁКЛА ГРЕЧУШКИНА

Рассказ в стихах

Есть среди сибирских деревень
 Камышенка. Слыхали?
 Недаром ей в далёкий день
 Названье это дали.
 На юг, на север поглядишь –
 Кругом одно и то же:
 Камыш, камыш, сплошной камыш,
 Безлюдье, бездорожье...
 В те дни, с которых буду я
 Вести повествованье,
 Жила в Камышенке семья,
 Достойная вниманья.
 «Везло» Скворцовым. Что ни год –
 Хозяин беспокойней:

Жена то сына принесёт,
 То встретит сразу двойней...
 А в жизни полный кавардак.
 Колчак грозит проклятый.
 В одной деревне – красный флаг,
 В соседней – полосатый.
 Здесь власть уже в руках крестьян,
 А там – шумят смутьяны...
 Созвал друзей Скворцов Иван.
 – Пойдёмте в партизаны!
 Я так считаю, не с руки
 Нам без Советской власти.
 Она за нас ведь, мужики.
 Давайте с печек слазьте!
 Дадим по шее белякам.
 Иначе – суд их краток –
 Нагрянут сами ночью к нам,
 Побьют, как куропаток...
 В затылке некогда чесать.
 Иван толкует дело!
 Пора берданки в руки брать!
 Отсидка надоела.
 Два дня готовили подряд
 Коней и снаряженье,
 На третий – в лес ушёл отряд.
 И вскоре дал сраженье.

Не мил без мужа дом родной.
 Однако, слава богу,
 Война обходит стороной,
 Забыла к ним дорогу.
 Присядет женщина к столу –
 Ладонь у подбородка –
 И долго смотрит в ночь, во мглу
 Задумчиво и кротко.
 Один прохожий, говорят,
 Рассказывал недавно,
 Мол, стал Камышенский отряд
 Почти что самым главным.
 Мол, колчаковский генерал,
 Из самых образцовых,
 В одних кальсонах удирал
 От нашего Скворцова.

Где склад горит, где поезда
Взрываются нежданно,
Где бой, засада – там всегда
Скворцова партизаны!
Кто знает, правда или нет,
Верны ли эти слухи...
– Ох, помутился белый свет, –
Печалились старухи...
Однажды августовским днём,
От знойной дымки блёклым,
За речкой где-то ухнул гром,
Да так, что дрожь по окнам!
Живой сигнал военных гроз
Здесь слышали впервые.
В глазах у всех немой вопрос:
Свои или чужие?
Кто б ни был там – скорей во двор!
Гремят крючки-железки.
Скорей ворота на запор,
Плотнее – занавески!..
Как раз напротив, где жила
С детьми жена Скворцова,
Был новый дом, второй с угла,
Игрушка, право слово!
Как все, Гречушкин Михаил,
Игрушки той хозяин,
Сейчас был там, где нужен был –
В лесах он партизанил.
Вот и хозяйке молодой
Спокойно не сидится.
Глядите, вышла за водой,
Нисколько не боится.
Послушав, что там вдалеке,
Румяная, босая,
Свернула за угол, к реке,
Чуть вёдрами качая.
– Вернись! – раздался чей-то крик.
С улыбкой обернулась.
Мол, ничего. И в этот миг
За балкой пыль взметнулась...
Плескалась в вёдрах синь небес.
А гости верховые
Уже неслись наперерез,
Вгляделась... Ой, чужие!..

Усатый щёголь впереди.
 Наган, погоны, шашка...
 Ремни – крест-накрест на груди...
 Высокая фуражка...
 Конём как будто невзначай
 Толкнул. Спросил сурово:
 – А ну, молодка, отвечай,
 Где тут изба Скворцова? –
 Едва ль заметил офицер –
 Бродила в жилах водка, –
 Как изменилась вдруг в лице
 Красивая молодка.
 Усатый дёргает коня.
 Глаза – под стать булавам...
 «Там детвора... А у меня
 Не семеро по лавкам...
 А Михаил? Что ж Михаил.
 Да разве он осудит?»
 И вроде больше стало сил,
 Решила – будь что будет!
 Казалось, что сама судьба
 Ей выход подсказала.
 – Скворцова? Вон его изба! –
 На дом свой показала.
 Команду подал офицер...
 И к ней: – Как звать-то?
 – Фёкла...
 Лишь замер топот на крыльце,
 Дзинь! – вдребезги все стёкла.
 Сверкая зубом золотым,
 Усатый млел над тыном:
 – Так поступаем мы с любым
 Гнездом... ик...ик... осиным... –
 Он мог бы, будь трезвей чуть-чуть,
 Смекнуть – нечисто дело:
 Схватила женщина за грудь,
 Как стенка побелела...
 Хитри и дальше, да умней,
 Гречушкина Феклуша!..
 Усатый вновь с улыбкой к ней:
 – Одна живёшь, без мужа?
 Небось соскучилась... Ха-ха!
 Ишь, сдобная какая... –

– А вы б нашли мне жениха.
 И впрямь, живу одна я!
 Тот улыбается: напал
 На добрую бабёнку!..
 Слез. Лошадь к тыну привязал.
 – Кхм... Отойдём в сторонку...
 Брось вёдра! Дай-ка помогу.
 Сюда вот... в палисадник... –
 Вдруг поднял руку к козырьку:
 – Постой-ка. Что за всадник?..
 Солдат с пакетом подскакал
 И вытер пот в истоме...
 – Кончай! – усатый заорал
 Хозяйничавшим в доме.
 Проворно прыгнул на коня.
 – Я к вам ещё приеду... –
 Мигнул Феклуше: «Жди меня!»
 Продолжим, мол, беседу.
 С усмешкой бровью повела
 (Дом подожгли злодеи!)
 – У вас, я вижу, есть дела
 Гораздо поважнее...
 И заklubилась снова пыль
 В другом конце селенья...
 Была сегодняшняя былъ
 Как страшное виденье.
 «Жених!» Семь бед – один ответ...
 Не знал ты о «невесте»:
 Не привези солдат пакет –
 Убила бы на месте...
 Прошла б игриво, на виду,
 В потёмки сеновала,
 А там, как муху на меду,
 Навек бы приласкала...
 Сбежали. Скрылись без помех.
 Ни дна им, ни покрышки!..
 Трещало пламя... Раньше всех
 Опомнились мальчишки.
 Как воробьи из-за оград
 Повысыпали с криком:
 – Пожар! Гречушкины горят!
 – А дыму-то! Смотри-ка!

И в самом деле, дом пылал
 С какой-то злобой дикой.
 Сбегались люди – стар и мал
 С водой – а подойди-ка!
 Приковылял столетний дед.
 Рукой махнул с досадой:
 – Сгорит. Спасти надежды нет.
 Спасать соседей надо.
 Ворота рушьте. Лейте здесь.
 Ну, жарит! Эко диво... –
 Есть командир – порядок есть.
 Взялись за дело живо...

Какая радость, боже мой:
 Негаданно-нежданно
 Пришли в Камышенку, домой,
 Родные партизаны.
 ...Обросший, хмурый Михаил
 Стоял над пепелищем.
 – И здесь каратель, значит, был...
 Что ж, и его разыщем!
 Дождётся встряски он, буржуй,
 И пули в лоб впридачу...
 Не плачь, Феклуша, не горюй.
 – Да я совсем не плачу. –
 Вздохнув, поведала ему,
 Как было, всё сначала...
 – Теперь ты знаешь, почему
 Жилья у нас не стало.
 – Э, вот в чём дело. Молодцом!
 Рисково, но толково!
 И муж с задумчивым лицом
 Нашёл в толпе Скворцова.
 – Ты не слышал, Иван Кузьмич?
 Пожар-то неспроста ведь!
 С тебя положен магарыч.
 Придётся, братец, ставить.
 Скворцов в тужурке, весь в ремнях,
 Попыхивая трубкой,
 Шагнул с дочуркой на руках,
 Глазастенькой и хрупкой.

И взгляд, каким поверх голов
 Окинул он Феклушу,
 Сказал ей всё без лишних слов,
 Запал глубоко в душу.
 Никто вокруг понять не мог,
 С чего вдруг при народе
 Скворцов к себе её привлёк,
 Расчувствовался вроде...
 1956

*(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 28.
 Отличия в текстах очевидны)*

* * *

БРАТЬЯ

1

У Матрёны Петровой
 Нынче праздник большой:
 К ней из города в гости
 Сын приехал старшой.
 Не пылил сапогами,
 Не шагал по тропе –
 На своей на машине
 Подкатил он к избе!
 Чёрным лаком покрыта,
 Так и светится вся,
 Остроглазые фары
 На прохожих кося...
 Вёл расспрос у Егора
 Николай – младший брат:
 – Всё в забое?
 – В забое.
 – Рядовой?
 – Как солдат!
 В новой форме шахтёрской,
 С виду – вроде моряк,
 Гость дымил папироской,
 Отвечал – что и как.
 ...Любовалась сынами
 Хлопотливая мать:
 Всем в отца. У обоих
 Молодецкая статья.

Ясноглазы и русы,
Встанут в ряд – как один.
Только тот, что безусый,
Тот с «характером» сын –
Своевольный, упрямый,
С беспокойной душой...
В сердце матери старой
Нынче праздник большой.
Наглядеться не может,
Как в былые года,
На желанного гостя –
На Героя Труда.
А давно ль пеленала,
Умывала его.
Поджидала из школы
У крыльца своего...
Всё боялась, что мальчик
Может в жизни пойти
Без отцовского глаза
По плохому пути.
Да явилась родная,
Справедливая власть,
Подала ему руку,
Чтоб не мог он упасть,
В люди вывела сына!..
Кем же будет второй?
День и ночь он мечтает:
Дескать, мне бы в забой...
«Вот какой он, Егор-то, –
Думал парень меж тем, –
И звезда, и медали,
А простецкий совсем».
И светилась улыбка
На лице паренька.
Под бровями сверкали
Два живых огонька.
В нём всё ярче и ярче
Разгорались мечты,
Словно в дальние дали
Он взглянул с высоты...

2

Пришли соседи. Председатель
 Колхоза здешнего – Носков –
 С порога крикнул:
 – Ну, приятель.
 Кажись, кажись!.. Смотри, каков! –
 С лицом открытым, загорелым,
 Носков был строг, подтянут, прям.
 – А я-то думал, грешным делом:
 Уж не видать Егора нам.
 Дай обниму тебя хоть, что ли...–
 Расселись гости, где кто мог.
 Приятен свежий запах поля,
 Душист махорочный дымок!
 Смотрел Егор на всех с любовью –
 На земляков, друзе своих.
 Спокойной силой и здоровьем,
 Как прежде, веяло от них.
 На что уж стар Савелий, сторож,
 И у того в глазах огонь.
 Коль слово взял – не переспоришь,
 А под хмельком – тащи гармонь!
 Вот и сейчас, с другими вместе
 Одетый празднично пришёл.
 Усы расправив, честь по чести,
 «Зубровку» выставил на стол.
 Сел – молчаливый и серьёзный,
 Как будто совершил обряд.
 – А кто ж на пост? – кузнец колхозный
 Спросил, на водку бросив взгляд.
 – Не беспокойтесь. Я старуху
 Определил туда с полдня.
 Она не то что вора – муху
 Убьёт со злости на меня. –
 Савелий крякнул. Дружным смехом
 Ему ответили. А он:
 – Толкую ей: «Шахтёр приехал!
 И у него я быть должен».
 Взяла ружьё. Патронов пару.
 Да говорит: «Не ровен час –
 Не вздумай шляться у амбаров,
 Бабахну раз – и весь мой сказ!»
 Вот... подвернись... Судите сами. –
 И снова шутки, смех в ответ.

Весь дом наполнен голосами.
 Погас в полях закатных свет...
 Хлопочут братья, составляя
 Скамейки, стулья, два стола.
 Их мать, от радости немая,
 В графины пиво разлила.
 Подкралась ночь за разговором.
 На окнах – блики синевы.
 – Ну, как живётся там шахтёрам?
 Дела, успехи каковы?
 Звеня, стаканы шли по кругу,
 Всё громче, жарче разговор.
 Про всё поведали друг другу
 В ту ночь сельчане и шахтёр.
 ...Никто не знал, какую думой
 Петров меньшей встревожен был.
 Он, безучастный и угрюмый,
 О всех, казалось, позабыл.
 Сидел, в пустой стакан уставясь,
 И лишь порой не то в укор,
 Не то восторженную зависть
 В его глазах ловил Егор.

...Вставал рассвет, молочно-сиз,
 Когда соседи разошлись.
 Егор с сигарки пепел сдул,
 К братишке свой придвинул стул.
 Спросил (так сердце подсказало):
 – Шахтёром, значит, хочешь стать?
 – Шахтёром, да!
 – Ну что ж. Пожалуй,
 Мечта характеру под стать.
 Мне лишь одно неясно что-то –
 Душе и здесь большой простор –
 Работа есть везде работа,
 Будь ты колхозник, будь шахтёр.
 Сейчас про всех слагают песни.
 Любому слава и почёт...
 А где трудней, там интересней.
 И это надо брать в расчёт.
 В углу украдкой мать вздохнула.
 («И ты из дому, Николай?»).

Но, пересилив грусть, сказала:
 – Колхоз отпустит – поезжай.
 Настало в комнате молчанье.
 Стучали ходики в тиши.
 – Смотри, обдумай всё заранее, –
 Егор заметил, – Не спеши...

3

Проводили Егора.
 Осень... Дождик с утра.
 Скошен хлеб – и в дорогу
 Николаю пора.
 – Может, там и найдёшь ты
 В жизни место своё, –
 Говорила старушка,
 Собирая бельё. –
 Да равняйся на брата,
 Будь поближе к нему.
 Он добра тебе хочет,
 Учит делу, уму.
 Где в сердцах и обидит –
 Помолчи, не беда.
 Он подальше нас видит,
 Не на день, на года.
 По-партийному, зорко
 Он на жизнь-то глядит.
 Может, рядом с Егоркой
 Станешь сам знаменит.
 – Ладно, мама...
 – Ну, с богом,
 Путь счастливый, сынок. –
 Перед тем, как покинуть
 Свой родимый порог,
 Зная русский обычай,
 Оказал ему честь:
 Не забыл на скамейку
 Вместе с матерью сесть.
 Закурил. На прощанье
 Огляделся вокруг.
 И таким ненаглядным
 Всё представилось вдруг,
 Так в душе защемило
 От всего, что до слёз

Что за сопки вдали
 Поднимаются круто?
 И постройка среди них –
 Элеватор как будто.
 Может, шахта сама?
 Может, уголь – те сопки?
 С чемоданом в руке
 Постоял он на тропке.
 И представил на миг:
 Уголь мчится лавиной.
 И не кто-нибудь – он
 Управляет машиной!
 А над ним, наверху,
 По сверкающей стали
 Эшелоны с углём
 Разбегаются в дали...,
 Так свой завтрашний день –
 Путь далёкий без края –
 Увидал Николай,
 В жизнь иную вступая.

6

Листвой, снежком октябрь сырой
 Замёл у школы стёжку.
 С утра весёлый снежный рой
 Летит, летит к окошку.
 Давно ль черёмуха цвела,
 Звенел родник в овраге.
 Опять земля белым-бела,
 Как чистый лист бумаги...
 И как свой дом не вспомнить тут
 Хотя бы на минутку...
 На дровни станешь, вскинешь кнут –
 И в лес по первопутку.
 Сбегутся кедры в тесный круг.
 Возьмёшь топор. А ну-ка!
 Проснётся эхо: тюк да тюк.
 И снова – тишь. Ни звука...
 Когда же в шахту? Что к чему –
 Взглянуть одним бы глазом.
 Чтоб стало ясно самому,
 Не только по рассказам.
 Своё желанье Николай
 Поведал как-то брату.

А тот:
 – Обсудим-ка давай,
 Что надо знать солдату.
 Вот, скажем, он собрался в бой.
 – Ну, пулемёт, винтовку.
 – А если ты не в бой – в забой?
 – Шахтёрскую сноровку.
 – Не всё.
 – Отбойный молоток!
 – А если он откажет?
 – Тогда какой-нибудь знаток
 Поможет мне, подскажет.
 Свой чуб волнистый теребя,
 Егор молчал с минутой.
 – Выходит, дядя за тебя
 Стрелял бы там, в бою-то?
 – То молоток, а то ружьё...
 – А я скажу иное:
 Твой молоток – ружьё твоё,
 Когда ты с ним в забое.
 Запомни раз и навсегда
 Хотя б одно вначале:
 Давно прошли те дни, когда
 Мы уголь силой брали.
 Гордишься ей – коли дрова.
 А механизм – загадка.
 Нужна тут, Коля, голова,
 А не медвежья хватка.
 И вот совет мой от души:
 Смири горячий норов.
 Учись! И в шахту не спеши,
 Чтоб не смешить шахтёров. –
 А Николай совсем поник.
 Сиди, мол, ту без дела.
 Ведь там, в колхозе, он привык,
 Чтоб всё в руках кипело.
 Воспоминания свежи,
 Толпятся снежным роем...
 – Ну, ты хоть шахту покажи.
 – А это мы устроим.

7

На рассвете Николая
 Поднял брат – он рано встал.

Паренёк, в ладонь зевая,
Буркнул:

– Сам бы не проспал...
...Вот и шахта. Двор. Постройки.
В чёрной копоти забор.
Николай к стволу из мойки
Шёл – ни дать, ни взять – шахтёр.
Как и брат, в спецовке, в каске.
Не узнать – совсем другой.
Шёл, а сам не без опаски
Думал: «Как там – под землёй?»
Не заметил, как с толпою
Оказался у ствола.
Чуть отстал... Махнул рукою,
Эх, была, мол, не была!
С сердцем, бьющимся тревожно,
Под людской неясный гул
На пол клетки осторожно,
Как на хрупкий лёд, шагнул.
Смех и говор. Кто-то басом:
– Из деревни? Молодцом!
А другой:

– Перед Кузбассом
Не ударишь в грязь лицом?
«Лишь не выдать бы испуга», –
Он подумал. Тут как раз
Клеть чуть дрогнула упруго
И, как в пропасть, понеслась.
После радостного вздоха
Понял: не к чему тужить.
«Э, да тут совсем неплохо.
Пообвыкнешь – можно жить».
...Вагонеток стук ритмичный.
Лампы-звёзды. Топот ног,
И почти земной, обычный
Вездесущий ветерок.
Брат сказал лукаво:
– Колька! –
(Хлопнул парня по плечу)
– Перетрусил, а?
– Нисколько!
– Хочешь с нами жить?
– Хочу.

– Коли так, то будь как дома
 И шагай за мной пока.
 ...Непривычно, незнакомо
 Всё вокруг для новичка.
 Загремев у поворота –
 Не поймёшь тут ничего! –
 Ослепительное что-то
 Надвигалось на него.
 Вроде не было мороза –
 Стало холодно спине.
 Сторонясь электровоза,
 Николай прильнул к стене.
 Рельсы вдаль бегут, сверкая
 Под цепочкою огней.
 На душе у Николая
 Всё просторней, всё светлей.
 Сели в поезд. Отдыхая,
 Брат прищурился хитро:
 – Как дорожка?
 – Неплохая.
 – То-то! Прямо как в метро.
 ...Поезд стал. И оживлённо
 Говоря между собой,
 Тротуаром от перрона
 Зашагали все гурьбой.
 Шли с беспечностью такою,
 Будто им и невдомёк,
 Что вверху над головою
 Многотонный потолок.
 Им-то что! А с непривычки
 Так и ждёшь: вот-вот обвал.
 Хрустнут стойки, словно спички,
 И тогда – пиши пропал...
 Но звучат под тёмным сводом
 Голоса. Спокоен путь.
 Разве с таким народом
 Пропадёшь ты где-нибудь!
 Просто всё. Как утром ранним.
 Ни чудес вокруг, ни тайн.
 – Ну-ка, – молвил брат, – заглянем,
 Как орудует комбайн.
 ...Здесь уж ахнуть есть причина
 В первый раз, со стороны:

Режет мощная машина
 Толщу каменной стены.
 Будто так, забавы ради,
 За рулём – один шахтёр,
 А другой – немного сзади,
 Там, где лента-транспортёр.
 Грохоча, за камнем камень
 Вниз летит. Сплошной поток.
 И тотчас же черпаками
 Та машина, как руками,
 Их бросает на лоток.
 Поглядишь – и сердце радо.
 До чего ж умна, сильна!
 Не пройдёт за день бригада,
 Что она пройдёт одна...
 Дальше в лаве – тихо, глухо,
 Только капель звон. И вдруг
 Робкий звук дошёл до слуха.
 С давних пор знакомый звук!
 Тюк да тюк. Всё чаще, чаще,
 Будто ждали до поры –
 И внезапно где-то в чаще
 Застучали топоры.
 Стук всё ближе. В тусклом свете
 В стороне – уступ, другой.
 – А теперь, – Егор заметил, –
 Завернём и в мой забой.
 – Новичок?
 И сменщик брата
 Подошёл. Качнулась тень.
 – Прибывают к нам ребята.
 Ну, здорово!
 – Добрый день!..
 Чернолицый и усталый,
 Он счастливо руки тёр:
 – День-то добрый впрямь, пожалуй,
 Нормы две я дал, Егор!
 – Так, – ответил тот с улыбкой, –
 Скоро будешь впереди.
 Уморился?
 – Нет, не шибко.
 – Ну, иди домой, иди...
 Брат спокойно, деловито
 Пыль с шахтёрки молча сбил.

Как по комнате обжитой,
 По забою он ходил.
 Наклонясь, соединяя
 Шланг с отбойным молотком,
 Думал он про Николая:
 «Станет, нет ли горняком?
 Станет! Было бы желанье,
 И настойчив, и упрям».
 Стоя рядом, в ожиданье,
 Тот смотрел по сторонам.
 Ощущал, как в сердце смутно
 Чувство радости росло.
 Здесь по-своему уютно,
 Свет от лампочки, тепло.
 А когда за глыбой глыба
 Уголь вниз помчит рекой,
 Скажет всяк тебе спасибо,
 Молодец ты, мол, какой!
 Чёрный камешек блестящий
 На ладонь большую лёг.
 Вот он – уголь настоящий.
 Наш, кузбасский уголёк!
 Так же бережно когда-то
 Мял он в пальцах чернозём...
 Вспомнил дом... Взглянул на брата:
 – Ну, начнём, Егор?
 – Начнём.
 На! Торжественно вручаю, –
 И, как верный автомат,
 Молоток свой Николаю
 Протянул любовно брат.
 – Покажи-ка нашу хватку.
 Бей смелее. Начинай. –
 Осторожно рукоятку
 Сжал, волнуясь, Николай.
 Промелькнула мысль: «Гляди-ка!
 Немудрое ремесло».
 Раз! И в пласт вонзилась пика.
 Застучало, затрясло.
 «Хорошо! Ещё немного».
 И ещё налёг на пласт.
 А в душе его тревога:
 «Неужели, чёрт, не сдаст?

Да чего ж тогда я стою!»
 И нажав, что было сил,
 Пику, бившею пыльцою,
 До пружины вглубь вонзил.
 – Стоп! – раздался рядом голос. –
 Выключай!

И тихо вновь.

«Ни куска не откололось.
 Ни куска!» – стучала кровь.
 – М-да. Одной горячей вспышки
 Мало. Дай-ка покажу. –
 Поглядел в глаза братишке:
 – Бей вот так, по кливажу.
 Что-то высмотрел. И ровно
 Вновь зацокал молоток.
 ...Глухо грохнулся на брёвна
 Чёрный угольный кусок.
 С непокрытой головою,
 (Отдышаться, кстати, рад),
 Николай смотрел с тоскою,
 Как работал старший брат.
 Забывая неудачу,
 Он смотрел, смотрел, смотрел,
 Точно главную задачу
 В жизни всей решить хотел...
 На-гора поднявшись, братья
 В предвечерней шли тиши.
 – Кое-что сумел понять я?
 – Да. Но в шахту не спеши.
 – Почему?
 – А очень просто.
 Мало практики одной.
 Без учёбы нету роста.
 К ней нельзя вставать спиной.
 Коль отстанешь – будет поздно.
 Век живи – и век учись.
 ...Было ясно и морозно,
 Дым из труб струился ввысь.
 Серебрился бор. И солнце,
 Завершая краткий путь,
 В каждый дом, во все оконца
 Норовило заглянуть.
 Весь в сиянье снежной пены,
 Как хорош он, мир земной,

После первой пробной смены
 В тёмных недрах, под землёй!
 На сугроб, как на перину,
 Так и хочется прилечь,
 Отдохнуть, расправить спину,
 Будто тяжесть сбросить с плеч...

9*

В библиотеке, в светлом зале
 Шахтёры книги выбирали.
 Подумать можно – здесь у полок,
 Где книг – вовек не перечтёшь,
 Собрался нынче весь посёлок –
 И старики, и молодёжь.
 От самой двери полукругом
 Стоят, беседуют друг с другом.
 И так отрадно Николаю,
 Что все знакомы. Свой народ.
 Один приветливо кивает,
 Другой подходит, руку жмёт.
 Вот этот рос на Украине,
 А лучший друг Петрова ныне.
 Иван Мовчан – зовут парнишку.
 Спокойный увалень. Добряк.
 – Микола, бач, какую книжку
 Я взял.
 – Какую?
 – «Сталь и шлак».
 Читали хлопцы – хвалят дюже.
 Здесь гарных книг богато, друже...
 Ушёл Мовчан. Петров с досадой
 Подумал: «Мало я читал».
 Что попросить, что выбрать надо,
 Придя сюда, он сам не знал.
 Уже и очередь подходит...
 Он с книжных полок глаз не сводит.
 Найти бы что-нибудь заране...
 Читает: «Шолохов», «Манас»,
 «Поэмы», «Полное собрание»...
 – Ваш номер?
 – Мой? Я в первый раз.

* – в поэме почему-то не выделена 8-я глава
 (Примечание Н. Инякиной)

– Так разрешите паспорт.
– Можно.

А сердце замерло тревожно:
Увидел он перед собою
Глаза – два синих василька –
И в них сияние такое,
Что не забыть, наверняка.
Открытjem этим удивлѐнный,
Краснея, словно от стыда,
Он паспорт в корочке зелёной
Ей протянул.

– Шахтѐр вы?

– Да!

– Ах, вон вы кто!.. О вас немало
От брата вашего слыхала.

– А что? – Петров насторожился
(Что мог сказать Егор о нём).
Смеѐтся девушка:

– Хвалился...

Да... Называл богатырѐм!
Досадно стало Николаю:
«Сказал, как уголь я рубаю».
– Не отвлекай, товарищ, Зою!
Ишь, разлюбезничался как! –
Беззлобно молвил за спиною
Какой-то пожилой горняк.
А Николай спросил поспешно:
– Почаще можно к вам? –
– Конечно!

10

Был соседом у Егора
Ветеран-шахтѐр.
И любил того шахтѐра,
Как отца, Егор.
Горняком почти полвека
Проработал он.
Уголька старик из штрека
Выдал много тонн.
Все подземные дороги
С другом-обушкой,
Молчаливый, хмурый, строгий,
Исходил пешком.

С молотком отбойным всяко
 Он мудрил потом.
 Всё ворчал: – Трясёт, чертяка!..
 Но решил на том:
 – Мне инструмент ваш, ребята,
 Шибко по нутру.
 Я и с ним ещё как надо
 Многим нос утру.
 И утёр бы, может статья.
 Подвели года...
 Не хотел – пришлось расстаться
 С шахтой навсегда...
 Жить бы так пенсионеру –
 Без хлопот-забот,
 Но лишь утро – и по скверу
 К шахте он идёт.
 Отряхнёт с усов снежинки.
 Сядет в стороне.
 – Что, небось, уже поминки
 Справили по мне?
 Окружат его ребята,
 Молодой народ.
 – Помирать вам рановато, –
 Скажут в свой черёд.

Седой, сутуловатый,
 Он входит в светлый класс.
 И вновь пред ним ребята
 Сидят. Не сводят глаз.
 Народ всё деревенский,
 С полей – почти вчера,
 Кто курский, кто смоленский,
 Кто с Волги, кто с Днепра.
 Следов их нет в помине
 На стёжках полевых.
 В шахтёрских куртках ныне
 Не различите их.
 Они, коль приглядеться –
 Герои новых книг.
 ...А ты батрачил с детства,
 Ты прожил жизнь, старик.
 Что ж, плохо, хорошо ли –
 Трудился ты с душой.

Как мастеру, и в школе
 Тебе почёт большой.
 ...На стенах – слева, справа –
 Плакаты, чертежи.
 Где штрёк какой, где лава,
 Про всё им расскажи.

11

Шахтёром стать готовясь,
 Петров обжился здесь.
 Он, как в живую повесть,
 Ушёл в учёбу весь.
 Ему сегодня диво:
 Как мог, живя в селе,
 Одни леса да нивы
 Он видеть на земле.
 Изъездил на машинах,
 Плугами испахал,
 А что в её глубинах,
 Подальше нор мышиных –
 Не думал, не гадал.
 А под землёю клады!
 Там жизнь кипит ключом!
 Пусть ливни, снегопады –
 Там целые бригады
 Идут к плечу плечом.
 Укроет сумрак нивы,
 Затихнет всё кругом –
 А там грохочут взрывы!
 А там светло, как днём!
 Всегда – зимой и летом
 Закат или восход –
 В подземном царстве этом
 Как будто бой идёт.
 Всегда на изготовке
 Машина, бур, топор.
 Там человек в спецовке
 Работает. Шахтёр.
 По всем краям далёким
 От тех шахтёрских рук
 Живых лучей потоки
 Расходятся вокруг!
 На стройку, в поле, к домне
 Бегут лучи, бегут!

И где бы ни был – помни
 Подземный славный труд.
 Ты в дом вошёл с мороза,
 Присел у камелька;
 Ты в топку паровоза
 Подбросил уголька...
 И там, в Кремле далёком –
 Лишь лампочку включи –
 Всю ночь глядят из окон
 Твои, шахтёр, лучи!
 ...Душою беспокойной
 Петров во всё вникал.
 Он молоток отбойный
 Раз десять разобрал.
 Хоть завтра пусть экзамен:
 Не заглянув в тетрадь,
 С закрытыми глазами
 Все части мог собрать...

12

Свиваются дыма волокна.
 Мерцает в руке огонёк.
 Рассвет в посиневшие окна
 Пробился и лёг на порог.
 Сегодня же первая смена!
 Удачной ли будет она?
 ...Как будто раздвинулись стены
 И всюду ликует весна.
 Где были недавно сугробы –
 Как будто ручей зазвенел...
 Закончилось время учёбы.
 И столько нахлынуло дел!
 «Сверло, молоток лишь освоен.
 Пока я – забойщик. А там...
 За то, что попозже – спокоен.
 А нынче? Вдруг норму не дам?
 Ну, если случится загвоздка,
 Ребята мне могут помочь...»
 Погасла в руках папироска.
 Кончается долгая ночь.
 И было бы радостней вдвое
 Начать трудовые дела,
 Когда бы негаданно Зоя
 Сейчас в общежитье вошла!

13

Сбылось желанье Николая:
 Ему доверили забой!
 ...Вот, крепость кровли проверяя,
 Он постучал по ней кайлой.
 Ведь мастер их учил недаром –
 Порою, прочная на вид,
 Та кровля гулко под ударом,
 Как выражался он, «бунит».
 А это значит – чуть провисла
 И может рухнуть. Но сейчас
 Бояться, вроде, нету смысла.
 Удар звенящий. В самый раз.
 Шурша брезентовой шахтёркой,
 К груди забоя подошёл.
 «Так. А теперь займусь разборкой».
 И вдруг:
 – Ну, как дела, орёл?
 (Егор! Заботится, как видно.
 Пойду, взгляну, мол, как он тут?)
 Ответил, кашлянув солидно:
 – Да ничего... Дела идут.
 Брат усмехнулся: «Ох, и важен!
 Поговорю-ка с ним всерьёз».
 – А сколько думаешь ты скважин
 Здесь пробурить?
 – Что за вопрос!
 – Нет, ты ответь!
 – Сейчас, прикину, –
 Сказал спокойно Николай.
 «Здесь... по углам... сюда, в середину...»
 – Двенадцать! Как тут ни считай.
 – Так много? Это почему же?
 – А чтобы лучше был уход.
 И меньше можно – только хуже:
 Угля немного оторвёт.
 – Тогда бы делал два десятка.
 – Ну, это явный уж просчёт.
 Оно ж не что-нибудь – взрывчатка!
 Вмиг всё хозяйство разнесёт.
 – Ответил ты, как по тетрадке,
 Учёл всё, значит, наперёд.
 А с инструментом как?
 – В порядке.

Мой инструмент не подведёт...
 ...Ни сил, ни времени не жалко,
 Когда в работу весь уйдёшь.
 И началось! Гремит отпалка,
 Подземный мир бросая в дрожь..
 Качнулся воздух. Волны гула
 Прошли и замерли вдали.
 Как будто порохом пахнуло
 Среди прочной сырости земли.
 Лишь вентилятор струйки дыма
 Унёс невидимым путём –
 И сила взрыва стала зрима:
 Забой завален был углём.
 И вот звенят уже лопаты –
 Всех окрылил горячий труд.
 Спешат поставить крепь ребята,
 И вагонетки к ним бегут.
 Шуршит, течёт по штреку уголь.
 Течёт, и путь его далёк!
 Мовчан под бок толкает друга:
 – Пишол! Пишол наш уголёк!
 «Вот так же рад я был когда-то, –
 С восторгом думал Николай, –
 Когда в район на элеватор
 Мы отправляли урожай.
 И всё ж не так всё это было.
 Хоть цель одна, да труд – не тот.
 Нет, никакая ныне сила
 Меня отсюда не вернёт!»
 Здесь всё – и лампочек мерцанье,
 И гром, и скрежет – как в бою.
 Здесь он нашёл своё призванье,
 Свою любовь, судьбу свою!

14

Знала б Зоя, как сегодня
 Там, в забое, вырос он!
 Даже дышится свободней,
 Даже сон теперь не в сон.
 Поделиться б этим счастьем
 И открыть свои мечты.
 С нескрываемым участием
 Смотрят звёзды с высоты...

Шёл Николай, шёл, как хмельной,
 По тихой улице ночной.
 И вдруг припомнился опять
 Далёкий дом... Старушка-мать...
 Дул ветерок. И звёздный рой,
 Застыв, мерцал над головой.
 А для него одна родная –
 На шахте звёздочка земная.
 Как он хотел бы, чтоб она
 В родном селе была видна!

15

И вот уже, ясным-ясна,
 Над рудником звенит весна...
 Под животворным солнца душем
 Идёт Петров. А день высок!
 А рядом прыгает по лужам
 Слепящий солнечный клубок.
 Вдали – дымок. Ещё мгновенье –
 Вблизи красавец-паровоз,
 Как вихрь, в стремительном движенье,
 В ритмичной музыке колёс.
 Тяжёлый груз подняв на плечи,
 Грохочет угольный состав.
 Сама весна ему навстречу
 Несётся, рельсы распластав.
 Гляди, гордись! Ты нынче вправе
 Сказать, что Родине помог,
 Ведь в том грохочущем составе
 И твой сверкает уголёк.
 Пусть он теплом зовёт и манит
 В далёком городе, в селе.
 Пусть от него светлее станет
 На нашей солнечной земле!
 Иных наград тебе, признаться,
 Не надо. Только лишь одно:
 Вот если б Зое догадаться –
 Хотя бы выглянуть в окно...

16

...До того это ново,
 Так вот – с глазу на глаз,

Что и нужного слова
Не находит сейчас.
Да и девушка тоже
Сразу стала другой:
Смотрит пристальней, строже,
Дескать, вот ты какой!
В полной форме парадной
Он стоял перед ней –
Очень статный и ладный,
Всех знакомых видней.
– Погуляем немножко?
– Можно, – Зоя в ответ.
За оградой в окошко
Лился розовый свет.
Вот скользнул он по крыше
И померк без следа.
А на провод, повыше,
Примостилась звезда...
В эти вешние дали
Шёл бы, шёл без конца.
Только в лад бы звучали
И шаги, и сердца.
Только б милой дыханье
Ощущать на щеке
И не знать расставанья
Ни в каком далеке.
Так и шли... А в сторонке,
В чуткой лунной тиши,
Голос чистый и звонкий
Выводил от души:
«Ой, цветёт калина
В поле, у ручья,
Парня молодого
Полюбила я.
Парня полюбила
На свою беду,
Не могу открыться:
Слова не найду».
Шли и слушали вместе.
Даже вечер притих.
Очень славная песня!
И как будто... про них...
Словно белые чайки
Плыли вдаль облака.

Их весёлые стайки
 Чуть качала река.
 Плеск и свежесть – навстречу,
 Шум невидимых крыл...
 Молча девичьи плечи
 Тёплой курткой накрыл.
 Там, где летом ромашки,
 Где шумит краснотал,
 В белоснежной рубашке
 Над рекою он встал.
 Сбоку Зоя прижалась.
 Хорошо им. Одни...
 В целом мире, казалось,
 Никого. Лишь они.
 И как в песне поётся –
 За рекой, за горой
 Скоро зорька зажжётся
 Золотистой каймой.
 Ветер ночи дремоту
 Унесёт на восток.
 Позовёт на работу
 Басовитый гудок...
 –Зоя! Это такое...
 Это... вроде огня!
 Ты признайся мне, Зоя,
 Любишь, нет ли меня?
 Улыбнулась лукаво:
 – Эх, какой ты чудной!
 Разве ради забавы
 Я встречаюсь с тобой... –
 И опять замолчала,
 Руки сжав на груди...
 Это только начало!
 Всё ещё впереди!

17

Облака на востоке
 Загорелись вдали.
 Пусть же в комнату входит
 Утро вешней земли!
 Постоял он минуту
 И окно распахнул.
 Улыбнулся чему-то,
 Опустился на стул.

Сердце радостно билось.
 Пело! словно оно
 Тоже настезь открылось,
 Как большое окно...
 В птичьем щебете, гаме
 Просыпался рудник.
 Громыхая бортами,
 Пробежал грузовик.
 Солнце в ярком накале
 Жгло каёмку реки.
 Не спеша прошагали
 За окном горняки.
 Лошадь била копытом.
 Ставней стукнул сосед.
 Всё он сердцем открытым
 Принимал, как привет.
 А пред мысленным взором,
 Как за мутным стеклом –
 Дом с тесовым забором,
 Тополя над прудом.
 Серебристые прядки...
 Нежность выцветших глаз...
 Всё ли дома в порядке?
 Там ведь сеют как раз.
 ...Листик вспыхнул на ветке,
 И услышал Петров,
 Как стучат вагонетки
 В стороне, у копров.
 Слава здешнего края
 Всё бодрила с утра:
 Бункера наполняя,
 Уголь шёл на-гора!

18

Желанный гость в любой квартире,
 Лишь письмоносец на порог –
 Как будто сразу станет шире
 Уютный комнатный мирок.
 Кто б знал, как рада мать седая,
 Когда зайдёт он в избу к ней
 И улыбнётся, подавая
 Конверт с письмом от сыновей.
 ...Опять сегодня утром синим,
 Всем расстояньям вопреки,

Она то с тем, то с этим сыном
 Вслух говорит, надев очки.
 «День добрый, мама!

Сообщаю

(Матрёна вся настороже) –
 Большой успех у Николая:
 Он впереди других уже.
 Идёт на лад его работа.
 Вчера сказал мне: дескать, верь,
 Что не сотрут с Доски почёта
 Мою фамилию теперь».
 Скатилась светлая слезинка
 Из-под сухих – в морщинах – век.
 Сынок... Родимая кровинка...
 И ты – почётный человек!
 Добился, значит, мой упрямый.
 Дай бог тебе здоровья, сил...
 «Всем расскажи об этом, мама», –
 В конце письма Егор просил.
 И сколько рук потом держало
 Листы, исписанные им!..
 Савелий крякнул, как бывало,
 И заключил: – На том стоим!
 Мы и врагам умеем всыпать,
 И потрудиться. Знает всяк.
 А за братьев не грех бы выпить.
 Ведь наши парни, как-никак... –
 Носков – он тут же был, в конторе –
 Расхохотался:

– Ну и плут!

Найти бы повод – радость, горе –
 Наш дед со стопкой тут как тут.
 Я так, товарищи, считаю:
 Пусть выпьет дед один пока.
 А мы напишем Николаю
 Письмо. Поздравим паренька.
 Не забывать о нас попросим.
 Растёт, мол, твой колхоз родной.
 Глядишь – заявится под осень
 Героем знатным, со звездой.
 Недаром рвался он к Егору.
 Дорога, знать, у них одна.
 Теперь пойдёт наш Коля в гору... –

.

А за окном – простор, весна...
 Раскинув синее раздолье,
 Весна звала: твори, дерзай!
 Подземным гулом, песней в поле
 Встречал зарю кузнецкий край.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 175. См. также сборник «Солнечные дни», 1952 г., с. 27: «Кузбасский уголёк» – отрывок из поэмы «Братья», начиная со слов: «...На рассвете Николая / Поднял брат – он рано встал...» и заканчивая словами: «...Точно главную задачу / В жизни всей решить хотел». А после «звёздочек» ещё один фрагмент со слов: «И вот уже ясным-ясна...» до «...Пусть от него светлее станет / На нашей солнечной земле!»)

* * *

У НАС В ПОСЁЛКЕ

(Из лирической поэмы)

Живут у нас в посёлке
 Два друга паренька.
 На шахте новичками
 Считают их пока.

Считают, а напрасно:
 Три месяца подряд
 На самом видном месте
 Портреты их висят.

Иметь бы в каждом деле
 Таких вот новичков! –
 Дай срок, заткнут за пояс
 Бывалых горняков.

И нету в этом чуда,
 Один простой секрет:
 Ребята молодые,
 Всего по двадцать лет!

Да только ли в работе
 Удача молодым?
 Небось, девчата вскоре
 Начнут вздыхать по ним...

Давайте в клуб шахтёрский
 Попутно завернём –
 Мы всех, кого нам надо,
 Сегодня здесь найдём.

Как жалко, что попали
 На шапочный разбор!
 Уже баян выводит
 Знакомый перебор.

Вон лектор с толстой папкой
 К дверям спешит бочком –
 Райкомовский товарищ,
 Он каждому знаком.

Давайте к баянисту
 Подсядем. Так верней.
 Вот «новенький», тот самый,
 Один из тех парней.

А сколько тут, смотрите,
 Поклонниц у него!
 Мол, славно ты играешь,
 И сам ты ничего...

Но что-то, знать, сегодня
 Не в духе наш Степан.
 О чём-то неизвестном
 Грустит его баян.

– Сыграй нам польку, Стёпа!
 Платочек подарю!..
 – Включите радиолу,
 Пока я покурю. –

Сердито чиркнул спичкой
 И замер, глядя в пол.
 Как будто не на танцы,
 А к поезду пришёл.

Неладно со Степаном!
 Пожалуй, в первый раз
 На шумное веселье
 Поднять не хочет глаз...

Давно ли он со всеми
 Смеялся и шутил,
 Забавно, по-актёрски,
 Незримый ус крутил?

Тряхнёт, бывало, чубом.
 Плечами поведёт,
 Кому-то улыбнётся,
 Кому-то подмигнёт,

И так рванёт тугие
 Зелёные меха –
 Ей-богу, раскачает
 Любого старика!..

Окурок смял. Поднялся
 Неловко, как на льду.
 – Пускай под радиолу
 Танцуют... Я пойду. –

Идёт, сутуля плечи...
 А сбоку, позади,
 Кричат ему девчата:
 – Степан, не уходи!

Но вот и дверь закрылась.
 Он вышел на крыльцо.
 Смолистым ароматом
 Повеяло в лицо.

На парочку в сторонке
 Взглянул Степан, и вдруг
 Померкли, потемнели
 Все лампочки вокруг.

– Степан! Одну минутку.
 Есть спички? Выручай. –
 Подходит друг-приятель,
 Забойщик Николай, –

Румяный, белокурый,
Подвыпивший слегка,
С гвоздикой белоснежной
В петлице пиджака.

Поэзии любитель,
Он может сто стихов
По памяти читать вам
До самых петухов.

Нашёлся бы охотник,
Любого уморит
Познаньями своими
О том, кто как творит.

На эти разговоры
От так неумолим,
Что девушка иная
Не рада встрече с ним...

– Ты что? – Спросил со смехом, –
Дай спички, говорю!
А он суёт мне «Север»...
Ну, вот... Благодарю.

И к девушке вернулся.
Степан – как в землю врос.
Рассеянно смотрел он
На пачку папирос...

Затем привычным жестом
Засунул их в карман,
Тряхнул беспечно чубов
И вскинул свой баян:

Мол, счастливо оставаться!
Нас вы не тревожите.
До рассвета целоваться,
Миловаться можете.

Мы пойдём своей дорогой,
Тропкой неприметною,
Со своей мечтой-тревогой,
С музыкой заветною...

Пальцы бегают проворно,
 Плечи не сутулятся...
 «Эх, подгорна, ты, подгорна,
 Широкая улица!..»

А улица в посёлке –
 Не видно ей конца...
 Притихли молчаливо
 Те двое, у крыльца,

Вдруг девушка спросила,
 Степану глядя вслед:
 – Давно его ты знаешь?
 – Давненько. С малых лет.

А что?
 – Да так я, просто...
 Какой-то он чудной!
 Едва меня завидит –
 Обходит стороной.

– По-моему, боится,
 Что влюбится в тебя... –
 Задумалась Наташа,
 Косынку теребя.

Потом опять с вопросом,
 Прищурясь в полутьму:
 – А ты не знаешь, Коля,
 Кто нравится ему? –

И, словно спохватившись,
 Добавила тотчас:
 – Немало ведь хороших
 Есть девушек у нас... –

В душе у Николая –
 Обиды горький ком.
 – Быть может, потолкуем
 О чём-нибудь другом? –

Наташа рассмеялась.
 – Уже приревновал!
 Скажи, какой Отелло...
 Ну, что ты замолчал? –

Мужское сердце слабо,
 Чего греха таить!
 За нежную улыбку
 Готово всё простить.

Одно прикосновение,
 Один приветный взгляд –
 И снова счастлив парень,
 Как пять минут назад.

– Вчера я стих составил, –
 Промолвил Николай,
 Наташа оживилась:
 – А ну-ка, прочитай! –

Недавнюю обиду
 Совсем забыть успею,
 Читал он, как поэты, –
 Немного нараспев.

Стихи, признаться, были
 Шершавы, как метла,
 Но девушка ни разу
 Его не прервала.

Лишь там, где с медным тазом
 Он сравнивал луну,
 Она, как строгий критик,
 Сказала: «Ну и ну!»

Умолк и ждал смущённо:
 Сейчас начнёт ругать.
 – А Стёпа всё играет... –
 Услышал он опять.

Такого поворота
 Не вынес Николай.
 – Чего тебе он дался!
 Беги к нему! Ступай! –

Ступай... Да разве это
 Хотел сказать он ей?
 Но слово не поймаеть,
 Оно – не воробей.

– Прости, погорячился, –
 Взмолился Николай.

Но девушка сквозь слёзы:
– Не тронь меня!.. Прощай!

– Куда же ты, Наташа?!
Наташенька! Постой! –
Один остался парень
На улице пустой.

Как тихо, мрачно стало...
И где-то в вышине
Звучал напев баяна
В заречной стороне.

Любой из нас, конечно,
Встречал в пути грозу –
Кто в уличной шумихе,
Кто в поле, на возу...

Безветренно, спокойно.
Палит нещадно зной.
Два облачка на небе
Сияют белизной.

Глядишь, наплыли тучи,
Откуда ни возьмись,
Вот молния шальная
Стрелой пронзила высь.

Вот страшный треск раздался
Над самой головой,
И сразу дождь ударил –
Тяжёлый, проливной...

Любовь приходит так же
Внезапно, как гроза:
Как молния, осветят
Нас чьи-нибудь глаза.

Спохватимся, да поздно –
Уж грянул в сердце гром:
И ливнем благодатным
Кипит волнение в нём.

Не ждал Степан, не думал,
Что в шахте, у клети

Какая-то девчонка
Возникнет на пути,
Что ласковой улыбкой
Согреет, а сама
К другому повернётся.
Сходи теперь с ума!..

Когда кого-то любишь
И знаешь, что любим, –
Ты всех сильнее на свете.
Ни в чём не победим!

Но где же взяться силам,
Коль сам себе не рад?..
На днях портрет Степана
С Доски почёта снят...

Уехать от позора!
Махнуть на всё рукой!
Ни шахте, ни девчонке
Не нужен он такой.

В те дни не замечала,
Как был ему почёт,
А чем её вниманье
Сейчас он привлечёт?

Уехать с глаз подальше!
Куда? Куда-нибудь...
Недолго холостому
Собратся, выбрать путь.

На рынке потолкался,
Распродал всё Степан;
Единственную радость
Оставил он – баян.

Хоть сам не знал, в какую
Податься сторону,
Придумал повод веский:
«Решил на целину»...

Расчётный лист – в кармане.
Под вечер – на вокзал...
Впервые Николаю
Ни слова не сказал.

А тот, узнав случайно,
 На миг остолбенел,
 Как был в шахтёрке, в каске,
 Он в комнату влетел.

– Степан, так это верно?
 В своём ли ты уме?
 – Допустим, так. А что же
 Прикажешь делать мне?

С работой неполадки,
 Насмарку всё пошло.
 И вообще, я вижу,
 Мне здесь не повезло...

– Подтянешься, я знаю!
 Я первый помогу.
 Ведь то ли дело – вместе!
 Останься!

– Не могу...

Степан сидел угрюмый,
 В окно глаза скосив,
 Наигрывая тихо
 Излюбленный мотив.

– Так... – Николай в раздумье
 Прошёл к столу, присел.
 Зачем-то огляделся,
 Снял каску, вновь надел,

Графин к себе подвинул,
 Налил воды в стакан
 И жадно, залпом выпил.
 – Останься! Слышь, Степан?

Ни разу не бывало
 Раздора меж друзей.
 Молчали, как чужие,
 Всяк с думою своей.

– Н-да...
 Николай поднялся, –
 – Какой же ты чудак...
 Конец, выходит, дружбе?
 – Ну, что ж. Выходит, так –

Хотел Степан открыться, –
 Раздумал. Для чего?..
 Несчастье – за несчастьем:
 Был друг – и нет его...

Прощай, сторонка славная, –
 Копры да терриконики!
 Прощай, родная улица, –
 Цветы на подоконнике!

Прощай, семья шахтёрская, –
 Простые люди, стойкие,
 И вы, ребята бравые,
 И вы, девчата бойкие!

Прощай и ты, Наташенька,
 Коварная насмешница!
 Едва ли нам когда-нибудь
 Ещё придётся встретиться...

Быть может, выйдет, сжалится,
 Услышит грусть-тоску мою...
 «Она о нём печалится,
 А я о ней всё думаю»...

Не только, видно, в книгах
 Бывают чудеса:
 Мелькнула за калиткой
 Наташина коса.

Ведь вот народец вредный!
 Куда ещё вредней!
 Узнала – скрылась в доме...
 Скрывайтесь! Вам видней.

Степан прибавил ходу,
 Минуя дом и сад.
 Спешил, но с каждым шагом
 Душа рвалась назад.

Какой знакомый голос! –
 Наташа за спиной:
 – Далёко ли собрался?
 Не по пути со мной? –

Как будто кучер крикнул:
 «С дороги» Берегись!»,

Так парень растерялся,
Что ноги отнялись.

Застыл, моргая часто,
Не зная, что сказать.
Решил ответить шуткой:
– Отсюда не видать.

А по пути ли с вами –
Смотря куда идти...
Коль с кем-то на свиданье,
Тогда не по пути. –

По тону, вроде шутит,
А взгляд... печальный взгляд.
– Нет, правда, вы далёко?
– Куда глаза глядят...

Уже дома всё реже,
Вблизи простор полей...
Смешно смотреть на робких,
Застенчивых парней!

Смешно, когда вы сами
Семейные давно,
А каково герою?
Ему-то не смешно!

Идёт Степан, потупясь.
Нелёгкий, братцы, путь!..
Боясь задеть Наташу,
Идёт поодаль чуть...

А мог ты сделать проще:
Взять под руку её,
Признаться откровенно,
Что счастье в ней твоё.

Оно не за горами,
А рядышком с тобой –
В цветистом лёгком платье,
В косынке голубой.

Твоё оно – от длинной
Каштановой косы
До белых босоножек,
Промокших от росы.

Не потому ль Наташа
Травинку так грызёт,
Что хочет скрыть волнение
И ждёт чего-то, ждёт?..

Ещё одно мгновение –
Всё выскажет Степан.
Невольно шаг замедлил...
Эх, пан или пропал!

Но память в это время,
Как будто невзначай,
Услужливо шепнула:
«А как же Николай?»

Поморщась от досады,
Он глухо произнёс:
– Ну, счастья вам желаю!..
Вон... кличет паровоз. –

Рывком пожал ей локоть
И грузно зашагал
Туда, где свет вечерний
Над полем догорал.

Решишь он оглянуться
Хотя б на краткий миг, –
Увидел бы: Наташа
Едва сдержала крик.

Стояла на дороге,
Ладонь подняв ко лбу...
Казалось, провожала
Любовь свою, судьбу...

И долго так стояла,
Вся в розовых лучах.
Подбитой птицей билась
Косынка на плечах...

Вот он свернул направо,
Как в воду, канул в рожь...
Иди домой, Наташа,
Чего ещё ты ждёшь?..

Тихонько повернулась,
Пошла. Быстрей, быстрей...

И вот уж побежала,
Да так, что пыль – за ней.

Мешают босоножки –
Долой! И босиком,
Пригнувшись, без оглядки –
К посёлку напрямиком.

В какой-то двор метнулась
На фары «Москвича»
И двери распахнула,
Взволнованно крича:

– Скорее, дядя Ваня!
Машину мне... Скорей...
– Наташа, что случилось? –
Шахтёр-хозяин к ней.

– Уедет!..
– Кто уедет? –
Шахтёру невдомёк.
Но снял с гвоздя фуражку
И тут же – за порог...

А Николай тем часом
Подушку мял, курил.
За выпад свой ревнивый
В душе себя корил.

К стихам прилип! Растяпа!..
Степана проглядел!
Ведь даже попрощаться,
Как надо, не сумел!

И с девушкой, и с другом
Порвал, выходит, нить...
Сходить к Наташе нужно –
Проверить, уяснить!

...Бродил он по посёлку,
Покинутый поэт.
Был в клубе, на квартире –
Нигде Наташи нет.

На окнах пламенели
 Закатные лучи...
 Куда она девалась?
 Хоть в каждый дом стучи...

Бродил, и незаметно
 К околице пришёл,
 Где буйная крапива
 Скрывала частокол.

Нежданно в ту крапиву
 Попал он, сторонясь, –
 Стремительная, с рёвом,
 Машина пронеслась.

Ожоги потирая,
 Дивился Николай:
 Какой дурак сорвался?
 Хлебнул, так не гоняй...

Глядел он на дорогу,
 Ругая лихачей.
 А там лишь пыль клубилась
 И таял сноп лучей...

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 223)

* * *

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Венок сонетов

*Ю. Д. Баландину – фронтовику,
 журналисту*

1

Немалый путь – полвека за спиною.
 Река годов стремительно течёт.
 Уже виски искрятся сединою,
 Но жизни даль по-прежнему влечёт.

Что сделал я, какие планы строю –
 Наверно, время дать уже отчёт...
 Считаю юность лучшею порою,
 С неё ведём делам своим отсчёт.

Пора весны, когда простор так светел
 И так чиста небес голубизна,
 Когда всё внове, в диво, что ни встретил,
 В груди – любви горячая волна!..

Но я весну не видел, не заметил –
 В огне, в дыму прошла моя весна.

2

В огне, в дыму прошла моя весна.
 Вовеки не забуду город Броды.
 Нас на рассвете подняла война,
 Пятная чёрным дымом неба своды.

Я это с нар увидел из окна
 (Поныне вижу, хоть промчались годы):
 Горел аэродром. И мы со сна
 Не понимали всей беды невзгоды,

Что принесла нам свастика с крестом
 На крыльях, распростёртых над страной.
 За край родимый свой, за отчий дом
 Встал наш народ единою семьёю...

Вступая в жизнь в том возрасте моём,
 Пусть сыновья не встретятся с войною!

3

Пусть сыновья не встретятся с войною,
 Из армии ушедшие в запас.
 Пусть остаётся вечно запасною
 Их форма, что в шкафу лежит сейчас.

Но если призовёт страна их к бою,
 Я, как и все, скажу им: – В добрый час!
 Год сорок пятый солнечной весной
 Солдатских сыновей для жизни спас.

Для них открыты двери институтов,
 Их на заводах, стройках ждёт страна.
 Пусть в Мае только звёздами салютов
 Волнует нас минувшая война.

Кто за войну, тех ненавидим люто.
 Трудом, любовью, дружбой жизнь красна.

4

Трудом, любовью, дружбой жизнь красна.
 Как ни красив подчас боец с винтовкой –
 Красивее в любые времена
 Рабочий у станка, косарь с литовкой.

Особой величавости полна
 Работа с вдохновеньем и сноровкой.
 Всегда кого-то радует она,
 Дитя – игрушкой, девушку – обновкой,

Любителя искусств – звучаньем строф,
 Народной песней, пляской озорною...
 Как в юности, заслушаться готов
 Я пеньем соловьиным над рекою.

Готов всю ночь бродить среди цветов...
 Прекрасно утро мирной тишиною.

5

Прекрасно утро мирной тишиною,
 Когда отчётлив, резок каждый звук...
 Вот лось прошёл неспешно к водопою –
 Вода речная заплескалась вдруг.

Вот стриж простриг пространство над рекою,
 Со свистом прочертил над нею круг,
 Как «мессершмитт» той памятной порою,
 Что учащал тревожный сердца стук...

Но прочь о давних днях воспоминанья!
 Пусть торжествует мира тишина!
 Вот трактора глухое рокотанье
 За речкой в поле, где во ржи сосна...

Люблю с природой тихое свиданье.
 Мила душе родная сторона.

6

Мила душе родная сторона
 С тропой во ржи, с зеркально гладким плёсом,
 С журчащим родником, что чист до дна,
 И с лугом, где раздолье пчёлам, осам,

И с рощей, где берёзок белизна
 Над пряным разнотравьем, над покосом,
 Когда сквозит тумана пелена
 И тает в пенье птиц многоголосом...

Куда б ни ездил, где бы ни бывал,
 Горжусь своей родною стороною.
 Я защищал её и воспевал
 Простою задушевною строкою...

И вот уж осень – новый перевал.
 Как нежно светит солнце над стернёю!

7

Как нежно светит солнце над стернёю,
 Где буйно наливалась летом рожь.
 Я эту нежность чувствую щекою,
 Я счастлив, что осенний день погож.

Он дышит жаркой сухостью степною,
 Где паутинок серебристых дрожь.
 Он из оврагов сыростью грибною
 Порою веет. Дождик был хорош!

Спокойное, чуть знойное приволье.
 Здесь удила не сдержат скакуна.
 И путь, что позади, – как это поле,
 Где будущего зреют семена.

Отсюда, где дыханье ветра, воли,
 И та и эта даль насквозь видна.

8

И та и эта даль насквозь видна.
 Былое и грядущее – всё рядом.
 Одно – как скрипки чуткая струна,
 Другое – воет бомбой и снарядом.

Ещё у скрипки песня не одна.
 Ещё звучать ей песенным каскадом.
 Лишь только б в мире новая война
 Не разнесла её тупым прикладом.

С годами к нам приходит мастерство,
 Самих же нас нередко удивляя.

И так сберечь нам хочется его,
Как колосок большого урожая.

Мне большего не надо ничего:
Прекрасна эта осень золотая.

9

Прекрасна эта осень золотая.
Есть кое-что и в наших закромах.
Желанье есть и жажда молодая
Трудиться не спеша, не впопыхах.

Есть песня не заёмная, чужая,
А кровная, добытая в боях.
Есть даль, которой нет конца и края,
Где снежный блеск и летний луг в цветах.

Есть дума, что поведать людям надо,
Для них, как дверь, я душу отворю.
От злого, от завистливого взгляда
Хотел бы сохранить свою зарю...

Есть в возрасте моём своя отрада.
Распахиваю сердце сентябрю.

10

Распахиваю сердце сентябрю
Бестрепетно, доверчиво, открыто.
– Привет, сентябрь! – с улыбкой говорю.
Не всё войною страшною убито.

Мы юность посвятили Октябрю.
Не может быть такое позабыто.
С непониманьем на людей смотрю,
Кому своё лишь дорого корыто.

Поэтам замыкаться не к лицу.
Живём, всё к сердцу близко принимая.
Коль боль пришла к какому-то крыльцу,
Она и нас тревожит, обжигая...

Мир солнышку, лазури, багрецу!
Звенит земля, вся солнцем залитая.

11

Звенит земля, вся солнцем залитая.
Звенит зерном в колхозных бункерах,
Составом с углем, в далях замирая,
Рубином звёзд сияя на копрах.

Звенит, ракетой новой улетаю,
Чтоб осветить простор в иных мирах,
Чтоб нам сдалась Вселенная седая,
Друзьям на радость и врагам на страх.

Звенит тайгой, где бородач-геолог
Смеётся: – Трассу новую торю!
А было: так звенел-свистел осколок,
Чей посвист был нацелен в грудь мою.

Осколок тот вонзился в ближний колок...
За счастье жить судьбу благодарю.

12

За счастье жить судьбу благодарю,
О юности израненной не плача.
Душой по-молодому вновь горю.
А было очень трудную задачей

Не очерстветь, не огрубеть в бою,
Не потерять к добру любви горячей.
Но мы в победу верили свою.
Мы знали: будет так, а не иначе.

А скольким уцелеть не удалось!
Мы хоронили их, сердца сжимая,
На недруга обрушивая злость,
Предвидя праздник солнечного Мая.

Земля, где проливать нам кровь пришлось,
Люблю тебя, земля моя родная.

13

Люблю тебя, земля моя родная,
За то, что вижу солнце над тобой,
За то, что, в сквере весело играя,
Детишки гомонят наперебой.

Люблю тебя, о детстве вспоминая,
Что бегало над речкой голубой,

Где на заводе старом проходная
С утра гудит рабочей толпой.

Люблю за все печали и тревоги,
Что были – и ни капли не корю,
За трудные военные дороги.
Как мать, люблю, как мать, боготворю.

И в час, когда уж осень на пороге,
Венок сонетов я тебе дарю.

14

Венок сонетов я тебе дарю.
Прими его, коль он тебя достоин.
Про всё в нём откровенно говорю,
Как сын твой рядовой, как бывший воин.

Я в мудрые глаза твои смотрю.
Ты рядышком со мной. И я спокоен.
Я для тебя, земля моя, творю,
Тобою этой чести удостоен.

Прими его, родная сторона,
С любовью, самой скромною строкою.
Была бы только в ней душа видна –
И тем доволен буду я, не скрою.

Жизнь – счастье, коротка или длинна...
Немалый путь – полвека за спиною.

15

Немалый путь – полвека за спиною.
В огне, в дыму прошла моя весна.
Пусть сыновья не встретятся с войною!
Трудом, любовью, дружбой жизнь красна.

Прекрасно утро мирной тишиною.
Мила душе родная сторона.
Как нежно светит солнце над стернёю!
И та и эта даль насквозь видна.

Прекрасна эта осень золотая.
Распахиваю сердце сентябрю.
Звенит земля, вся светом залитая.
За счастье жить судьбу благодарю.

Люблю тебя, земля моя родная.
Венок сонетов я тебе дарю.

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 11)

* * *

ЭПИГРАММЫ, БАСНИ, ПАРОДИИ

*Иллюстрация из сборника
«Спасибо сентябрю», 1972.
Художник Н. И. Кофанов*

БАЛЛАДА О РОТОЗЕЯХ

Ввалился дядя в кабинет
 К начальству райпрофкома,
 Представясь кратко: – «Я поэт».
 Расселся, словно дома.

На вид – уже немолодой.
 В очках. В богатой шубе.
 – Прошу помочь мне вечер мой
 Устроить в местном клубе.

Моя фамилия Степняк.
 Степняк – не Исаковский,
 Но всё же... Всё же как-никак
 И я – поэт московский.

– Да, был такой как будто встарь...
 Про вас не слышал что-то...
 – А вы возьмите календарь.
 Там есть моя работа.

Хоть не шедевр, но все прочтут.
 Удачная баллада!
 И предрайкома понял тут:
 «Читать мне больше надо.

Про Исаковского слышал.
 Твардовского я знаю.
 А Степняка вот не читал...
 Однако не сплешаю!»

– Припоминаю ... В «Огоньке»
 Как будто что-то было?
 – Вот-вот! Статья о Степняке.
 Статья меня хвалила...

Уверен я – на вечер мой
 Соседи к вам прикатят.
 Ну... И ещё вопрос такой:
 Надеюсь, мне заплатят?

Я к вам с налёту, так сказать,
 Но я могу, конечно,
 Все документы показать, –
 Добавил гость беспечно.

А пред раздумывал: «Ну, что ж.
Конечно, он покажет...
А после скажет: да, хорош...
Культурник тоже, – скажет.

Меня же все наверняка
Осудят в каждом доме:
Не знает, дескать, Степняка.
Профан сидит в профкоме.

Мол, документы попросил.
Придумал же, скажите!»
Он гостя за руку схватил:
– Не надо! Не ищите!

Едва растаял ночи мрак,
Порозовели дали,
«Поэт Степняк!»,
«Поэт Степняк!» –
Афиши крик подняли.

Ещё все улицы тихи,
Зарёй облиты крыши.
«Баллады, песни и стихи!» –
Кричат со стен афиши.

Нарушив утренний покой,
Все жители гадали:
– Степняк?
– Откуда?
– Кто такой?
– И слыхом не слыхали...

И вот на сцене сам Степняк.
Читает тексты песен...
И воскресает Железняк,
Который всем известен...

Смуглянка манит красотой...
Цветёт над речкой груша...
Выходит на берег крутой
Любимая Катюша...

И предрайкома тоже здесь.
 Загадка – хоть ты тресни:
 Как мог забыть?.. Профан и есть...
 Знакомые же песни!

Листал он дома календарь.
 Но Степняка – ни строчки.
 Наверно, там, где был январь...
 Найти бы те листочки!

Мы знаем: не было и там.
 В киоске нет, в музее...
 Степняк привык к другим местам:
 Он там, где... ротозеи.
 1953

(Из сборника «На берегах Томи», 1953, с. 105)

ПОДБОРКА ИЗ СБОРНИКА «Майский снег», 1966 г.:

ОБОРОТЕНЬ

Медовые речи
 При встрече,
 И дёготь сплошной –
 За спиной.

(с. 70)

ЭСТРАДА НЕ ПРЕГРАДА

Сатирик... Он с отменной хваткой
 Клеймит, к примеру, тех, кто пьян,
 Сам на часы глядит украдкой:
 Не опоздать бы в ресторан!

(с. 71)

БЛАГОРАЗУМНЫЙ

– Мою статью заметили в газете?
 – Заметил, как же. Вредная статья!
 – Прошу учесть, я не держу в секрете:
 Писал её помощник мой, не я.

(с. 72)

ИЗДЕЛЬЯ ПРОМАРТЕЛИ

Куклы – как старушки,
Корабли – что доски...
Продавцу – игрушки,
Ребятишкам – слёзки.

(с. 73)

ТВОРЧЕСТВО И ХАЛТУРА

...Что удрала со мной Татьяна! –
В восторге Пушкин восклицал.
Теперь подчас герой романа
Вопит: – Что автор-то удрал!

(с. 74)

ПРИМЕТА

Есть у бездельников одна
Пилюлька с позолотою,
Всем преподносится она:
– Как много я работаю!

(с. 75)

ФЛЮГЕР

Стих ветер. Флюгер вмиг увял.
Ужасное явление!
Вдруг обвинят, что потерял
Он ветра направление?

(с. 76)

СЛЫШАЛА ЗВОН

Услышав слово «фильтровать»,
Одна особа восклицала:
– Ни в двадцать пять,
Ни в тридцать пять –
Я никогда не флиртовала!

(с. 77)

СО СВОЕЙ БОРОЗДЫ

Брезгливо морщась в борозде,
 Ботва – невзрачнее мочала –
 На мир презрительно ворчала:
 – Как грязно, сумрачно везде!

(с. 78)

МАГИЯ БУМАГИ

Беда не в том, что приобрёл
 Диплом какой-то там Осёл,
 А в том, что глядя на диплом,
 Уж не зовут **осла** ослом.

(с. 79)

(В сборнике «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 139 – в последней строчке слово «осла» – с заглавной буквы)

ПУСТОБРЁХ

Прибыл с лекцией в колхоз
 Некий дядя – и понёс:
 – В смысле диалектики,
 Нормативной этики
 Сей вопрос, как таковой,
 Будет базой силовой
 Для стабилизации
 И консолидации
 Всей кооперации...
 Помолчал, вздохнул, затем
 Бросил строго: – Ясно? Всем?
 Не стерпел какой-то дед,
 В том же духе дал ответ:
 – Видишь... Так-то оно так,
 И не как-то либо как.
 Ну, а что касательно,
 То не обязательно.
 Хоть и применительно,
 Страсть обременительно.
 В общем, относительно
 Мало нам пользительно.
 Да... Оно бы и не надо,
 Ни к чему, а доведись –

Завсегда, конечно, рады...
 Ясно молвил я, кажись?
 Часто лекции неплохи,
 Жаль – их портят пустобрёхи.

(с. 80)

(В сборниках «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 142 и «Вечерние огни», 1989 г., с. 81 – всё то же самое, только без двух последних строчек)

ПОДБОРКА ИЗ СБОРНИКА «Спасибо сентябрю»,
 1972 г.:

ЛЮБИТЕЛЬ ДИСКУССИЙ

Речь начнёт – не поймёшь ничего:
 Кто не мил ему, кто ему дорог.
 Ограждает сужденья его
 Частокол оговорок.

(с. 140)

СОАВТОР

– Как он в соавторы попал?
 – Да так. Одно изобретенье
 Внедрять в работу не мешал.
 А это – тоже достижение!

(с. 141)

ЗАЯЧИЙ ПРОМАХ

Был подхалимом Заяц лопухий.
 И вдруг себя повёл он в новом духе:
 Начальника Медведя под орех
 Разделал на собрании при всех.

Грудь у Зайчишки колесом!
 Все говорят с почтеньем о Косом...

Однако где же взял он храбрость эту?
 А дело в том, что день назад
 Лиса ему шепнула по секрету:
 – Медведь проштрафился... Он будет снят...

А вскоре Заяц убежал в леса:
Насчёт Медведя... наврала Лиса.

(с. 144)

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ МЕДВЕДЬ

Один Медведь номенклатурный
На «Главмалину» брошен был.
Добро! Устроился недурно –
Он с детства ягоду любил.
Свой особняк,
Своя машина
И кабинет с окошком в сад,
Где эта... разлюли-малина,
Где груши, яблоки висят...
Дела идут, контора пишет.
Медведь от жиру еле дышит.
Вдруг... словно с неба, – ревизор!
Растрата крупная... Позор!
Как быть с Медведем?
Или – или...
Но вышло всё-таки одно:
Его немножко пожурили
И переслали в «Главвино».
И вновь живёт, как жил когда-то.
Своя машина, особняк...
А вскоре – новая растрата.
Начальство в гневе: – Как же так?
– Что как? – бормочет он, икая, –
Тут не моя ... ик... ик... вина.
Я спирт, конечно, потребляю,
Но не беру я в рот вина!
... Недавно стало нам известно:
Медведь посажен.
Да!.. В «Главмёд».
Живёт по-прежнему чудесно:
Сосёт... не лапу, брагу пьёт.

Мне скажут: – Старый разговор!
Но – Мишка в холе до сих пор...

(с. 145)

ПОПУГАЙ

Пришла мыслишка Попугаю
 По-соловьиному запеть.
 В тот час, от скуки изнывая,
 Шатался по лесу Медведь.
 – Послушай, Миша! – крикнул Попка. –
 Могу я петь, как Соловей? –
 И захрипел. Вначале робко,
 Потом всё громче и смелей.
 ...Медвежьим словом окрылённый,
 Наш Попка – прямо к Соловью:
 – О, гений, Музой вдохновлённый,
 Скажи мне, ладно ль я пою?
 Что ж Соловей?
 Повремените
 Искать разгадку всех задач.
 Он был в те дни как раз в зените
 Своих успехов и удач.
 А потому хрипенья Попки
 Почти не слышал. Но сказал:
 – Давай-ка выпьем, брат, по стопке.
 Эх, как я счастлив, кто бы знал!
 С тех пор пернатый нет прохода
 От Попугая-болтуна.
 Хотя прошло не меньше года,
 Твердит с рассвета дотемна:
 – Мне руку жал певец известный
 На зависть жителям лесным.
 Я с ним – учтите – в дружбе тесной,
 Я даже выпил как-то с ним! –
 Сам Соловей про Попугая
 Давным-давно уже забыл,
 А тот вопит, не умолкая:
 – Он руку жал мне! Я с ним пил!

 Мораль? Какая ж тут мораль.
 Нам Попугая просто жаль.

(с. 147)

КАК НАПИСАЛИ БЫ МОИ ЗЕМЛЯКИ-ПОЭТЫ

...О НОВОГОДНЕЙ ЁЛКЕ:

Виктор Баянов

Всё в снегу село родное.
 Навалило за ночь как!
 Чудо хвойное, лесное
 Я привёз на саночках.
 Вся родня, встречая сказку,
 Ей поклон отвесила,
 Ёлка всем в ответ на ласку
 Улыбнулась весело.
 Разведёнкой молодою
 В горнице красуется...
 Ветер воет за стеною,
 Рвётся в окна с улицы.
 Но стоит она, сверкая,
 Уж такая баская,
 Ненаглядная такая
 И нарядная такая,
 Ёлочка кузбасская!

Евгений Буравлёв

Ты к ёлкам комнатным привык,
 И рад ты им всегда.
 А я скажу тебе, старик,
 Всё это ерунда.
 Я никогда б не променял
 На эту мишуру
 Таёжный лес, где аммонал
 Начнёт свою игру.
 Рванёт – и нету ни куста,
 Скала взлетает вверх!
 Вот это, знаешь, красота!
 Вот это фейерверк!
 Даёшь дорогу поездам!
 Брысь, и медведь, и рысь!
 ...А ёлок-палок этих там –
 Полно, хоть завались.

Владимир Измайлов

У ёлки – шум. Лишь я один притих.
 Не слыша криков с хохотом бесовским,
 Сижу, молчу, обдумываю стих,
 Свой новый стих
 С подтекстом философским.
 ...В лесу родилась ёлочка, жила.
 Над ней мерцала ночью звёзд холодность.
 Но вот её топор или пила
 Сразили. Наступила безысходность.
 Сейчас, в огнях, так празднична она!
 А уж душа её – во тьме, в нирване.
 И неизбежность ждёт её одна,
 Которую предвижу я заранее:
 На днях хозяин встанет, засопит,
 Возьмёт её и, выйдя, в снег уронит...
 Под ветром дрогнув, ёлка заскрипит –
 Почудится, что человек застонет...

Валентин Махалов

Если останусь совсем один,
 Знаю: к блеску огня
 Ёлочный праздничный серпантин
 Властно потянет меня.
 В чей-нибудь дом я тихо войду,
 Ёлки найду красу,
 Сердца трепетную звезду
 В ладонях ей поднесу.
 Меня, одинокого дикаря,
 Она не прогонит, нет.
 Огненно-рыжей копной горя,
 Будет дарить мне свет.
 Не оставаясь в долгу (поймёт
 Ёлка мою мечту!),
 Новый – с шорского – перевод
 Ей с огоньком прочту.

Геннадий Юров

Я ближние ёлки не трону –
 Люблю я свои берега.
 Найду и срублю без урону
 Вдали, где глухая тайга.

Во всё молодое влюблённый,
 К родному вернусь рубежу
 И ёлочку, факел зелёный,
 Своим берегам покажу.
 Пусть смотрят берёзки на левом,
 На правом сосёнки глядят.
 Я всем им, живым королевам,
 Сказать что-то доброе рад.

О ВЕСНЕ:

Владимир Матвеев

Я о весне сказал бы кратко:
 Она мне вовсе не сестра.
 Весна, конечно, бюрократка,
 Поскольку хмурится с утра...

Василий Фёдоров

Весна! Да это ж высота,
 С которой виден день грядущий.
 Целуй любимую в уста,
 Живи до ста, вперед идущий!

Что о тебе сказать самом
 Пооткровенней и попроще?
 Весной я – на «Небе седьмом»,
 Весной я – словно в «Белой роще».

Александр Пинаев

Лишь снега сойдут ручьями в балку,
 У меня – особенный настрой:
 Я спешу рыскою на рыбалку,
 Как спешил на милый Кузнецкстрой.

Ничего в пути не замечая,
 Прямиком шурую по грязи...
 Здравствуй, здравствуй, речка голубая,
 Где клюют метровые язи!

(с. 149 – 154)

МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО ВЕЛИКИХ

Я живу в Бакуриани,
Сладко щурюсь после сна...

Евгений Евтушенко

Жил А. Пушкин на Кавказе.
Вдохновение копил.
Принимал, наверно, грязи,
Может быть, боржомом пил...
И. Тургенев жил в Париже,
Чехов – в Ялте, это ближе,
Л. Толстой – в своей Поляне.
Каждый где-нибудь да жил...
Я живу в Бакуриани,
И про это стих сложил.
Про красоток смуглоликих,
Про печальный звук зурны...
Местожителство великих
Знать читатели должны.

ПЕРЕСОЛ

Соль моя! Мелкая... крупная... градом...
Спутница жизни, жена и сестра!

Виктор Боков

Спутницей жизни, сестрою, женою
Мудро назвал я обычную соль...
Голос соседки звучит за стеною,
Будто бы отзыв-ответ на пароль:
– Сахар мой, сахар! Как нужен ты к чаю!
Сахар мой, сахар! Песок, рафинад.
Просто души в тебе, милый, не чаю,
Спутник всей жизни, мой муж и мой брат!
– Что сочиняешь ты сбоку припёку? –
Слышу я голос её муженька.
– Это не я сочиняю, а Боков,
Я переделала только слегка.

ДОГАДАЙТЕСЬ!

Смотрит Марс горящим оком
 На притихшего меня.
 Смотрит, как дымы клубятся
 От костра на берегу,
 Будто хочет догадаться,
 Что я выкинуть могу...

Валентин Махалов

Марс мерцал дремотно, пресно...
 Смотрит: я на берегу!
 Очень Марсу интересно,
 Что я выкинуть могу!
 Разогнал рукой туманы,
 Жарким оком стал остёр:
 Может, я, как встарь шаманы,
 Сигану через костёр?
 Может, встану на ходули?
 Может, шпагу проглочу?
 На карачках поползу ли?
 Над рекою ли взлечу?
 Ну, а может, я – вприсядку,
 Или твист хвачу как раз?
 Ну-ка, кто решит загадку:
 Что я выкину сейчас?

БЛАЖЬ ПОНЕВОЛЕ

Мне знать бы правила сложенья,
 И я бы циферки слагал,
 Не знал бы блажи, дрожи, жженья,
 Не клял, не славил и не лгал.
 Пишу. Но мой удел не числа...

Дмитрий Сухарев

Мне знать бы правила сложенья!
 Но я не знаю их, увы.
 И оттого-то дрожью, жженьем
 Охвачен с ног до головы.
 Не лгал бы я, не клял, не славил,
 Да что поделать я могу?
 Из-за незнания этих правил
 Клянупу и славлю, даже лгу.

(с. 155 – 173)

ПЕРЕВОДЫ**ИЗБРАННОЕ**

«...ВСЕ РОДНИЛИСЬ
ПЕСНЕЮ ПРОСТОЮ...»

*Иллюстрация из сборника
«Спасибо сентябрю», 1972.
Художник Н. И. Кофанов*

СТЕПАН ТОРБОКОВ*

Вместо визитной карточки – стихотворение М. Небогатова «Мой шорский друг»:

С. С. Торбокову

Он мне и вам в отцы годится
Немало прожил – шестьдесят.
А как умеет он трудиться!
А как глаза его горят!

Седой, коричневый от ветра,
По тропам отчей стороны
Шутя полсотни километров
Пройдёт пешком – и хоть бы хны.

Дымит спокойно сигаретой.
И не спеша ведёт рассказ,
Как удалось в дороге этой
Пополнить записей запас.

Всё близко сердцу следопыта,
Душе сказителя-певца:
И ясли, что в селе открыты,
И магазин без продавца.

Он знает хватку и отвагу
Тех, кто рубает уголёк,
Снег на вершинах Ала-тага,
Костра таёжного дымок.

Бегут в тетради стёжки строчек,
Листвой колышутся слова...
– Давай-ка, друг мой, переводчик,
Засучим вместе рукава.

И допоздна сидим мы рядом,
Родним два разных языка,
Чтоб новым ладом, русским складом
Звучала шорская строка.

(Из сборника «Времени река», 1991 г., с. 22)

ШОР-КИЖИ В МОСКВЕ

С детских лет в тайге живу,
По траве хожу...
Не во сне, а наяву
На Москву гляжу.

В шуме улиц, площадей
Горный человек,
Столько радостных людей
Не видал вовек!

Слышу бой твоих часов,
Словно сердца стук.
Не найду от счастья слов,
Онемел я вдруг.

Это ты, Москва, спасла
В праведном бою
От насилия и зла
Шорию мою.

Верь признаньям старика,
Как самой судьбе:
Благодарен на века
Мой народ тебе.

За тебя в огонь готов
Каждый шор-кижи,
Лишь подай, коль надо, зов,
Слово лишь скажи!

Как поэт я, может мал.
Ты прости, Москва,
Что от счастья растерял
Лучшие слова.

ИЗБА

Жили мы когда-то в тесной юрте,
Разъедал глаза нам горький дым.
О порядке добром, об уюте
И не снилось родичам моим.

На земле и ели мы, и спали,
Тёмный люд, слепая голытьба...
Но однажды в мир тоски, печали
К нам шагнула русская изба.

С четырьмя углами и трубою,
 Под тесовой крышей, с потолком,
 Светлая, пропахшая сосною,
 С тёплым полом – шлёпай босиком!

Стали наши юрты вроде пугал,
 По сравненью с таким жильём.
 Ходим в полный рост. В передний угол
 Грамоты почётные кладём.

И душа поёт, поёт, как птица,
 Радуетя солнечной судьбе;
 И не может счастье уместиться
 Даже в этой праздничной избе!

СНЫ

Не раз, не раз я вспомню жизнь былую...
 Когда-то я, признаться верил снам.
 Увижу, скажем, девушку целую:
 – Отец! – кричу. – Удача будет нам!

Найдём сегодня соболя в капкане!
 – Что видел ты?
 – Красавицу одну...
 И шли в тайгу мы, радуясь заране,
 Глядь, вот и соболю. Как не верить сну?

Вода приснится – значит, к непогоде,
 Огонь костра – быть вёдру на дворе.
 А что ещё мне, близкому к природе,
 Могло тогда присниться на заре?

Я до сих пор бы верил в это чудо,
 Но часто сны обманывают нас.
 – Сегодня я два соболя добуду, –
 Сказал отец однажды в ранний час.

Пришли на место – нет зверька в помине.
 – Хозяин гор недобрый нынче к нам, –
 Вдохнул отец и по такой причине
 Стал воздавать моление горам.

Он угостил их даже абырткою,
 Но и назавтра соболю не пришёл.
 Хозяин гор, видать, махнул рукою
 На следопытов. Ухом не повёл...

Сильна во мне любовь к родному краю.
 Он весь в огнях, не узнаваем, нов.
 Что мне приснится ночью – я не знаю,
 Но знаю: жизнь прекрасней всяких снов!

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 113; 117; 121)

* * *

КАРОЙ ЙОББАДЬ*

ЗВЕЗДОДУВЫ

В цехе с полумраком, полусветом
 Звёзд-шаров стеклянных целый рой.
 Те рои, подобные кометам,
 Словно в небе, реют надо мной.

Свет куда-то в полумрак несётся,
 Чтоб спокойно искорками лечь.
 Посредине, как большое Солнце,
 Пышет жёлто-огненная печь.

Радостно смотреть на всё на это,
 С пристальным вниманием следя,
 Как на трубке новая планета
 Вспыхнет, на орбиту уходя.

Вот бокал, ещё слегка пурпурный,
 Словно в нём лучистое вино,
 Вырастает формой ажурной, –
 Стал он тем, чем стать ему дано.

В полутьме, дающей отдых глазу,
 Человек, всему дающий стиль,
 Выдувает то кувшин, то вазу,
 То пузато-толстую бутылку.

Тишину вопросом не нарушу,
 Понимаю я и так её:
 Человек вдыхает свою душу
 В каждое изделие своё.

* – переводы с венгерского языка

ЗВЁЗДЫ, ЗВЁЗДЫ...

Как над долиною два горных мыса,
 Два чабана привстали над столом.
 Два кубка, что наполнены кумысом,
 В руках их были. Но они вдвоём,

Как где-нибудь на утренней побудке
 При блеске первых солнечных лучей,
 Вдруг заиграли весело на дудке
 Мелодию, что славит здесь гостей.

Мелодию старинную, что правит
 Обычаями, бытом. И права.
 Мелодию, что пастбища их славит,
 Где негустая, добрая трава.

На ней паслась и козочка вот эта,
 Которой было вольно на земле,
 Которая скакала в бликах света
 И стала нашим блюдом на столе.

И кончилась та песня, словно чудо,
 И кубком вдохновенья в тот же миг
 Пошло по кругу дальше это блюдо,
 Юнцу передавал его старик.

Дошло оно до польского поэта.
 Поёт поэт, держа его в руке.
 И зазвучали песни в знак привета
 На русском, на болгарском языке.

Я тоже встал. Я видел одобренье
 На лицах всех. Уж если слово тронь –
 Найдёшь в нём всех связующие звенья,
 Ведь в песнях наших есть такой огонь!

Я огляделся. Что мне спеть сегодня?
 Вдали горела яркая звезда.
 О звёздах буду петь... Я блюдо поднял,
 Запел, про что подумалось тогда.

О, звёзды!.. И глаза родные вижу,
 От них мой голос крепче стал, сильней.
 Сияйте!.. И мой голос выше, ближе,
 Понятней для любого из гостей.

Пел чужеземец с длинными усами,
И знаю: песнь кочевничью мою
Все принимали добрыми сердцами
Совсем не как чужую – как свою.

Я пел про степь под солнцем и луною,
Про небо, всё в созвездьях золотых,
И все роднились песней той простою,
Как песней прародителей своих.

– А хорошо бы много дней, без счёта
Так, в мире жить, – промолвил кто-то вдруг.
– От нас зависит. От кого ж ещё-то?..
И на плечах моих – десяток рук.

ПЛАЧ ПО ТЕБЕ

«Ну, всё, конец», – решил я, не скорбя.
Уж много дней не думал про тебя.
Хожу я, одинок в своей судьбе,
И по ночам тянусь я не к тебе.

Но вот вчера, задумчивый, неловкий,
Я замер на трамвайной остановке,
Где столько нам прощаться довелось
(Прощались чаще). Как могу я врозь?

Казалось, проживу я не любя.
Нет, вижу, не прожить мне без тебя.
Не вытравить из сердца своего
Ни слов твоих, ни взгляда – ничего.

Смотрел на пустоту меж рук своих,
Давно ли ты была, родная, в них?
Я был в снегу, весь, с головы до ног,
Но охладить меня тот снег не мог.

Я был как лава. И капель, слепя,
Оплакивала, нежную, тебя.
И только ветер, полный злобных сил,
Потери ветер сердце леденил.

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 126; 132; 134)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	2
ПОЭМЫ	
ФЁКЛА НИЛОВНА	3
ФЁКЛА ГРЕЧУШКИНА (Рассказ в стихах).....	11
БРАТЪЯ	17
У НАС В ПОСЁЛКЕ (Из лирической поэмы)	42
ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ (Венок сонетов)	55
ЭПИГРАММЫ, БАСНИ, ПАРОДИИ	
БАЛЛАДА О РОТОЗЕЯХ.....	63
Подборка из сборника «Майский снег»... ..	65
Подборка из сборника «Спасибо сентябрю».....	68
ПАРОДИИ:	
На Виктора Баянова, Евгения Буравлёва	71
На Владимира Измайлова, Валентина Махалова, Геннадия Юрова.....	72
На Владимира Матвеева, Василия Фёдорова, Александра Пинаева.....	73
На Евгения Евтушенко, Виктора Бокова	74
На Валентина Махалова, Дмитрия Сухарева.....	75
ПЕРЕВОДЫ (Избранное)	
Степан Торбоков (с шорского)	77
Карой Йоббадь (с венгерского)	80

*Литературно-художественное
издание*

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕБОГАТОВ

«НЕ УДИВЛЯТЬ, А УДИВЛЯТЬСЯ...»

(Поэмы, сонеты;
эпиграммы, басни, пародии;
переводы)

Михаил Небогатов. «НЕ УДИВЛЯТЬ, А УДИВЛЯТЬСЯ...» (Поэмы, сонеты; эпиграммы, басни, пародии; переводы) / Составитель сборника Нина Инякина. – Кемерово, 2012. – 84 с.: ил.